

Основаниями для возбуждения уголовных дел могут послужить даже теологические диспуты и распространение песен. В отсутствие потерпевших в основу практически всех обвинительных приговоров ложатся результаты экспертиз.

[English Казакша](#)

“Я так и не понял, за что меня судят. Что же будет с нашим поколением, если каждого, кто имеет музыку в соцсетях, станут сажать?” – задал вопрос в своем последнем слове на суде 33-летний алматинец Шухрат Кибиров.

19 января 2018 года в районном суде Алматы его осудили на 6 лет и 8 месяцев лишения свободы, вменив две статьи уголовного кодекса “возбуждение религиозной розни” и “пропаганда терроризма”.

Вся вина молодого мужчины заключалась в том, что он якобы еще в 2014 году перепостил на своей странице в социальной сети “ВКонтакте” пять мусульманских песен – нашидов на арабском языке. Привлеченный государственный эксперт не нашел в текстах ничего, чтобы тянуло на “пропаганду терроризма”. Поэтому в заключении указано стандартное “имеются признаки возбуждения религиозной розни”. Свой вывод он подтвердил и на судебном заседании, однако это выступление исчезло из обязательной видеофиксации процесса.

Адвокат подсудимого Галымжан Нурпеисов обратился к специалистам за переводом песен. Как оказалось, в них вообще нет религиозной пропаганды. Одна песня о родине, другая о матери. Разве что в одном произведении рассказывается о пророке Мухаммаде и его сподвижнике Умаре. Судья приобщил переводы к материалам дела и больше про них не вспоминал.

После вынесения приговора прокуратура внесла протест – надзорному органу показалось, что Кибирову дали слишком маленький срок и попросил увеличить его до 11 лет. Судья отказал.

Дело Шухрата Кибирова очень симптоматично для демонстрации того, как в Казахстане последние годы борются с проявлениями экстремизма и терроризма. По данным Комитета правовой [статистики](#) Генеральной прокуратуры, по двум статьям “возбуждение розни” и “пропаганда терроризма” за девять месяцев этого года было возбуждено 194 уголовных дела, из них 155 дело дошло до суда. Примерно те же

Шухрат Кибиров. Фото: Андрей Гришин/CABAR.asia

пропорции были и год назад: из 352 дел до суда дошло 219. Оправдания по таким обвинениям – редкие исключения. Всего два-три случая в год.

Большинство таких дел связаны с активностью последователей Ислама в социальных сетях. Гораздо реже возникают обвинения в возбуждении “национальной или социальной” розни. Таким образом ежегодно от 200 до 300 мусульман отправляются в тюрьмы за то, что сделали перепост или процитировали какое-то выступление, признанное впоследствии экстремистским или пропагандирующим терроризм. Все уголовные преследования инициируются силовыми органами и еще никогда не было жалоб от тех, кого такие материалы могут “обидеть” или “оскорбить”.

Для легализации преследования привлекаются государственные эксперты, выносящие нужные заключения. В таких случаях они стараются подстраховаться и указывают на наличие “признаков”, что может трактоваться в любую сторону. Уровень знаний таких экспертов тоже вызывает сомнения, поскольку профессиональных религиоведов среди них нет.

“У нас экспертиза стала использоваться в качестве дубинки. Дело не только в том, насколько у нас человек, являясь филологом, оценивает тексты и дает этим текстам неизбежные юридические оценки. Но он судит о содержании согласно филологических познаний, но не юридических – только они могут определить, в чем содержится состав преступления”, – считает ведущий казахстанский правозащитник **Евгений Жовтис**.

Евгений Жовтис. Фото: Ярослав Радловский

В 2017 году на 4,5 года осудили жителя Щучинска (Акмолинская область),

магистранта исламского университета Медины Саудовской Аравии Куаныша Башпаева. Ему вменили “возбуждение религиозной розни” за несколько лекций, выложенных в Youtube. В них он подвергал критике исламские течения “ашариты” и “матрудиты”, представителей которых в Казахстане нет, и очень ограниченное число людей в стране знает об их существовании. Но еще до того, как его лекции были признаны запрещенными, а сам Башпаев оказался в заключении, еще несколько человек из этого региона поделились этими лекциями на своих страницах. За это к ответственности привлекли еще, как минимум, двоих жителей Щучинска – Дадаша Марженова и Галымжана Абилкаирова. Но в отличие от лектора за те же самые ролики им еще вменили “пропаганду терроризма”, не затруднившись пояснить, в чем

она заключается. Абилкаирова осудили 16 октября на семь лет и семь месяцев лишения свободы – его приговор на данный момент последний из ряда аналогичных судебных процессов, Марженова все еще судят.

“Все дело в том, что такие споры возникают регулярно. Однако категорически недопустимо, чтобы в такие споры встревала полиция. Правда, сейчас у нас государство все больше позиционирует себя в основном как исламское, а не светское. И мы все больше скатываемся от светскости в теологию. Но вмешиваться в теологические споры – это вообще недопустимо. Одно дело, когда оскорбление. Но каждая религия считает, что другие религии ошибочны и это абсолютно естественно”, – высказывается для CABAR.asia религиовед **Артур Артемьев**.

Отсутствие логики и предельно низкий уровень знаний экспертов позволят привлекать к ответственности по «экстремистским» и «террористическим» статьям практически любого пользователя сети, поделившегося какими-то размышлениями на религиозную тему.

В 2018 году возбудили дело в отношении последователя незапрещенного в Казахстане течения салафизм, жителя северо-казахстанского города Петропавловск Тимура Давлетова. Он неосторожно поделился видеороликами, в которых приверженцы салафизма высказываются против терроризма и жестко критикуют террористическую группировку ИГИЛ в Ираке и Сирии. В настоящее время Давлетов находится под арестом.

**“Количество уголовных дел по этим
статьям за последние три года
становится все больше и больше.
Уголовные дела расследуются весьма
некачественно и на все грубейшие
нарушения законности на это
закрываются судами глаза”.**

Только в этом году была закрыто дело в отношении правозащитника из Риддера (Костанайская область) Александра Харламова. Почти полгода он провел за решеткой в 2012 по обвинению в возбуждении религиозной розни за свои атеистические высказывания в социальных сетях, но в итоге был освобожден. Официально его дело закрыто только сейчас, и ему выплачена небольшая компенсация за необоснованное привлечение к ответственности.

“Количество уголовных дел по этим статьям за последние три года становится все больше и больше. Уголовные дела расследуются весьма некачественно и на все грубейшие нарушения законности на это закрываются судами глаза. Обвиняются, что они якобы распространяют запрещенные материалы. Хотя есть страницы ни то, что неизвестные, они безвестные. Никто эти страницы найти не сможет при всем желании.

Есть удаленные страницы. И все равно дела эти заводятся”, – недоумевает адвокат Бауыржан Азанов, чьими подзащитными были Дадаш Марженов и Галымжан Абилкаиров.

“Самая большая проблема в том, что в большинстве дел не было никаких правовых последствий – никто никого не убил, не привело к беспорядкам: есть только текст, или “ретвит”, или “перепост”, или есть “лайк”, – говорит ведущий казахстанский правозащитник Евгений Жовтис. – И единственным доказательством того, что преступление было совершено, является экспертиза. А заключения экспертов, всех, и филологов, и политологов, и психологов, они никогда не даются утвердительно, поскольку не могут такого сделать. Они пишут предположительно, что это могло повлечь, к чему-то привести или кого-то побудить. И получается, что предположения, выраженные в заключении эксперта, кладутся в основы обвинительных приговоров по этим делам. А это прямое грубейшее нарушение принципа уголовного права, так как наш Уголовный кодекс просто запрещает выносить приговоры на основе предположений. Но если нет никаких доказательств вины, кроме косвенного доказательства в виде экспертизы, то получается, что все обвинительные приговоры – а таковых 99% – вынесены на основании предположений”.

“Если им задаешь конкретные вопросы профессионального плана, касающиеся религии, течений в религии, то ответа не будет, а будет просто забалтывание этого вопроса”.

“Биологический возраст наших экспертов 21-22 года. Они даже на элементарные вопросы не могут ответить, а если им задаешь конкретные вопросы профессионального плана, касающиеся религии, течений в религии, то ответа не будет, а будет просто забалтывание этого вопроса”, – добавляет адвокат Бауыржан Азанов.

Чтобы получить представление об уровне казахстанской экспертизы, достаточно ознакомиться со списком запрещенными в стране экстремистскими материалами, выложенным на сайте Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры.

Среди почти тысячи [названий](#) множество таких как аудиофайл “Молитва”; видеофайл “Заблуджий”; брошюра “Жол” (Дорога); файл “001”; файл “10”; текстовый файл “Безопасность и защита информации при работе в сети Интернет”; Талмуд 2; Лекция; Политика и международная политика; Палестинские дети рассказывают о своей жизни; Новый нашид и так далее. Некоторые эксперты склонны полагать, что работники прокуратуры сильно не вникали в материалы и автоматически копировали названия из судебных приговоров.

Справедливости ради, казахстанские власти применяют те же подходы и при

инициировании уголовных дел по «возбуждению национальной или социальной розни». По этой причине отбывает наказание предприниматель из Актобе Санат Досов, который в Facebook неоднократно допускал обидные оценки действиям российского президента Владимира Путина, и павлодарский рэпер Руслан Гинатулин – он поделился видео с Youtube, осуждающим действия российских скинхедов. За действиями казахстанцев в сети следят три ведомства – полиция, Комитет национальной безопасности и прокуратура. В начале января 2018 года министр информации и коммуникаций РК Даурен Абаев проинформировал о создании автоматизированной системы мониторинга национального информационного пространства. По его словам, «эта система позволит нам определять и узнавать, к примеру, количество информации, выходящей на государственном языке. Чтобы в соответствии с законодательством мы могли всё это проработать, нам необходим мониторинг».

Первоначальная стоимость проекта оценена примерно в 4 млн. евро и завершение разработки системы запланировано на конец этого года. Есть опасения, что эта система создана для облегчения работы силовых органов по наблюдению за казахстанцами в сети.

Галым Агелеулов. Фото: twitter.com

“Эти замеры, на которых строится система формирования общественного мнения, может вести к манипулированию общественными настроениями. Госзаказ и подобные национальные программы контролируют общество”, – убежден **Галым Агелеуов**, руководитель общественного фонда «Liberty».

Его опасения разделяет эксперт Международного центра журналистики MediaNet **Игорь Братцев:**

“Все инициируемые сейчас Министерством информации и коммуникаций

репрессивные законы, поправки, все они оправдываются именно благими намерениями. Массовый мониторинг обязательно подразумевает исследование информационного пространства по очень многим направлениям. А сейчас у нас тенденция – это репрессивное регулирование информационного пространства. И этот мониторинг, помимо прочего, носит превентивный характер, чтобы знать, как развивается информационное пространство. Я боюсь, что он будет направлен для принятия дальнейших репрессивных мер. А Министерство информации и коммуникаций давно уже не выполняет функций моста между обществом и государством и, по сути, является исполнителем каких-либо желаний государственных органов, прежде всего силовых”.

Данная статья была подготовлена в рамках проекта IWPR «Стабильность в Центральной Азии через открытый диалог».

Если вы нашли ошибку, пожалуйста, выделите фрагмент текста и нажмите *Ctrl+Enter*.